

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

РАЗБАЛАНСИРОВКА ДИСКУРСА

НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛИЗМ?

Храмов Александр. Катехизис национал-демократа. М.: Скимень, 2011 (Серия «Бармаглот»). — 208 с.

Нельзя быть либеральным человеком в Европе, не будучи врагом России.

Либерализм и благорасположенность к славянам — понятия несовместимые.

И.С. Тургенев

...И в мерзостной игре

Жида с лягушкою венчают.

А.С. Пушкин

Встроенное противоречие

Небольшая книжка на моем столе своего рода феномен: читать ее не стоит, а вот поговорить о ней необходимо. Она не обогатит читателя серьезными мыслями и аргументами, не просветит его даже в том аспекте, который обещан названием. Скорее наоборот: заведет в тупик, запутает. Но, поскольку подобная путаница и невнятица в наше время стала своего рода визитной карточкой политологии, эту книжку необходимо рассмотреть пристально. Торжество самонадеянного верхоглядства и полупросвещенности надо приостановить, пока не поздно. Поскольку неумелое обращение с теорией национализма ничего, кроме вреда для умов, не принесет, а последнее, в свою очередь, чревато большими бедами при попытке воплощения теории в жизнь. Итак, повод к размышлениям налицо.

Появление книжечки Александра Храмова по-своему закономерно, оно есть следствие внутреннего противоречия, заложенного в самом понятии «национал-демократия», встроенного

в него. Причем противоречия двоякого характера, связанного как с каждым из его слагаемых, так и с их сочетанием в целом.

Энергично вбрасывая этот бренд (как и бренд «национал-капитализма») в общественное сознание в середине 1990-х годов, я имел в виду конкретную цель: привлечь к националистическому дискурсу общественно значимую часть российской публики. А именно, предпринимателей и верхние слои интеллигенции, единственные пассионарные категории населения. Которые активно участвуют в выработке стратегического курса развития общества и создают «концепцию России». И для которых капитализм и демократия есть неизменные от века слова-коды, чья привлекательность обусловлена самой природой предпринимательства и профессиональной умственной деятельности. Именно эти категории уже сотворили буржуазно-демократическую революцию 1991–1993 гг. и должны были, по моей мысли, последовательно сотворить и национальную (в нашем случае русскую) революцию, как это обычно и бывает. На них я сделал всю свою ставку с самого начала, с 1991 г. Их нужно было перевербовать из либерализма в национализм. Заставить русского предпринимателя, русского интеллигента мыслить национально (сейчас, собственно, этот поворот и происходит, плавно, но неуклонно).

Важно было поэтому подчеркнуть, сакцентировать: да, мы за демократию, но — «национал-»; да, мы за капитализм, но — «национал-». Что должен был в тот момент увидеть в этом

словосочетании любой продвинутой интеллигент? Апологию демократии и капитализма со стороны даже — подумать только! — националиста. Особое значение имел тот факт, что вброс был осуществлен через «Независимую газету» — главный орган мысли отечественной интеллигенции, по преимуществу либеральствующей. Так возник эффект троянского коня, и джинн русского национализма оказался выпущен на публику. Так состоялась попытка привить на «либдемовском» дереве «националистическую» ветку.

Разумеется, я видел и понимал всю сложность своей задачи. Не случайно многим сами понятия «национал-капитализм» и «национал-демократия» представляются попыткой сочетать несочетаемое. Немедленно нашлись простые люди, желающие напомнить о наднациональной, вненациональной, якобы, природе как капитала, так и демократии. Эти люди плохо учили диалектику и не привыкли рассматривать явления в их целокупной противоречивости и исторической изменчивости.

Я разошелся тогда со всеми — и с патриотами, не имевшими достаточно ума, и с умными демократами, забывшими о патриотизме. Но это был верный, точный ход.

Пятнадцать, десять лет назад мои теории шокировали, казались странными, одним не нравился «капитализм», других коробило от приставки «национал». Сегодня все это становится банальным и востребованным. Стало ясно, что я был совершенно прав, апеллируя к названным слоям и раскручивая соответствующие бренды. Именно становление национал-капитализма составляет политэкономическую суть текущего момента. И именно национал-демократическая идея становится в этих условиях успешным мейнстримом, порождая желающих его приватизировать.

Как следовало ожидать, тут-то и повалились возникать самодеятельные

реплики, концептуальные разночтения, а с ними опасность искажений и конечной дискредитации самого дискурса¹. Поэтому целесообразно мне на правах основоположника напомнить о сущности национал-демократии, процитировав одну из последних своих работ по теме.

Что такое национал-демократия?

«Самое краткое определение, по моему: это демократия для своих. Или демократия, ограниченная по национальному признаку.

Кто такие свои? А это как посмотреть. Поскольку демократия есть общественное устройство, то масштабом измерения является все общество в целом. А здесь подходы к определению “свой — чужой” бывают разные. Для одних свои — это только соплеменники, для других — только сограждане, для третьих — совокупность граждан и подданных, т.е. все население страны, для четвертых — население плюс равноправные с ним приезжие-инородцы. Недоговоренность и путаница в данном вопросе часто отрицательно сказываются в политике².

Для национал-демократов в полной мере приемлем первый ответ, с оговорками — второй, но не более того.

Однако неплохо бы для начала определиться с самим термином “демократия”, ибо и она бывает очень разной: либеральной, консенсусной, национальной и т.д. (Замечательно пошутил когда-то грузинский вор в законе Джаба Иоселиани, ставший в годы перестройки видным политиком в сво-

¹ Сегодня многие, не только Храмов, охотно пользуются запущенным в массы с моею помощью брендом «национал-демократия», а равно и формой «катехизиса» (в 1990-е гг. в издаваемой мною «Национальной газете» из номера в номер печатался «Катехизис русского в России»). Кто во что горазд...

² Примером дурного истолкования оппозиции «свой — чужой» являются думские законы о «соотечественниках».

ей стране: “Демократия — это вам не лобии кушать!”)

На Западе, например, либеральная демократия, с ее акцентом на права личности и индивидуализм, обернулась, в конце концов, диктатурой различных меньшинств: социальных, сексуальных, религиозных, национальных и пр., которые правят бал и определяют правила поведения для всех большинства. Что, в конечном счете, представляется совершенно противоположным, противоречащим самому понятию демократии как “власти народа”, то есть — большинства.

Недалеко ушла от либеральной и консенсусная демократия, требующая полного согласования требований всех общественных групп — классов, сословий, корпораций, этносов... Рекламируя себя как общество социальной гармонии, такая демократия на деле есть недостижимая утопия, чье существование либо нереально, либо эфемерно как минутный компромисс в условиях временного равновесия сил.

На этом фоне национальная демократия представляется меньшим из зол...

И — вновь, для ясности:

«“Национал-демократия”: это демократия, действующая в рамках нации. Подчеркну еще и еще раз: *нация* в данном понимании есть *этнонация* и ничто иное»³.

Идеалом национальной демократии является республиканский Рим до Гая Мария, в котором всей полнотой прав обладали даже не все италики, но именно и только этнические римляне.

Данные цитаты хорошо помогают понять, с чем мы столкнулись в книжечке Храмова, пропагандирующей, увы, именно западную, либеральную интерпретацию национал-демократии.

³ *Севастьянов Александр*. Национал-демократия — не национал-социализм. К истории вопроса // Вопросы национализма. 2010. № 2.

О том, что Храмов, располагающий на свою беду хорошим знанием английского языка, давно попал в ловушку западной методологии в общественных науках и усвоил себе ряд ложных понятий либерального мировоззрения, мне приходилось писать и раньше⁴. Дело в том, что он с юношескою доверчивостью положил в основу своих концептуальных версий теорию конструктивизма — худшее и бездарнейшее порождение западного идеалистического обществознания.

Вот его признания, напоминающие оммаж вассала сеньору: «Именно в свете конструктивистской парадигмы концепция либерального национализма обретает завершенность», «Только в последние десятилетия XX века усилиями Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, Б. Андерсона и других исследователей национализма, разработывавших т.н. “конструктивистскую парадигму”, стало понятно, что нации появились (были “изобретены”) совсем недавно, в начале XIX века» и т.д.

В концептуальной статье «Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма»⁵ Храмов вообще шлет своего рода послание либеральному лагерю: мол, мы одной крови, между нами больше общего, чем различий, наша дивергенция — лишь дело времени. И личным примером подтверждает это, пытаясь сконструировать химеру: либеральный национализм. Не перековывать либералов в националистов, не перетягивать русских интеллектуалов и предпринимателей в свой лагерь, изменяя их мировоззрение, а сочинить некую эклектическую платформу, Ноев ковчег, в котором дружно поплы-

⁴ *Севастьянов Александр*. 1) Расчленители // Наш современник. 2012. № 2; 2) Идолы конструктивизма // Вопросы национализма. 2012. № 10–11.

⁵ См.: Вопросы национализма. 2010. № 2. Данная статья также вошла в рецензируемую книгу (с. 168–200).

вуд чистые и нечистые, русские и ино-родцы, националисты и либералы: вот как ставится им задача.

Сделать это оказалось легко, но... за счет капитуляции по основным парадигмальным составляющим: как националистической, так и демократической. Для этого было достаточно встать на позиции конструктивизма (вместо естественно-исторических) в первом случае и на позиции либеральной демократии (вместо цензовой) во втором. В результате национал-демократический дискурс оказался искажен до неузнаваемости.

В такой позиции я усматриваю дефект отчасти сословный (интеллигенция по своей природе предрасположена к либерально-демократическим ценностям), отчасти поколенческий (молодежь эгоцентрична, необразована и малоосновательна, скоро на выводы и падка на романтику крайностей).

Но есть и еще одно обстоятельство нашего политического контекста, которое заставляет настороженно относиться к позиции Храмова в целом и к выходу его «Катехизиса» в частности. О том и другом можно было бы и промолчать без ущерба для развития националистического дискурса, если бы речь шла только о Храмове и его сочинении. Но за всем этим просматривается довольно скверная тенденция российской политической жизни, характерная для нашего больного времени и чреватая для русского народа большими неприятностями.

Чтобы разъяснить свою позицию, мне придется выйти за рамки обсуждения книги и раскрыть свое понимание либерализма вообще и судьбы либерального проекта в России в частности.

О либерализме

Для многих патриотов и националистов либерализм — это нечто вроде тотальной «бьяки-закаляки кусачей», сиречь Мирowego Зла или Всего Плохого.

Не без оснований. В виртуальном словаре русских синонимов не случайно прочно прописалась пара: «либерал — враг народа». (Нобелевский лауреат Жорес Алферов даже ввел понятие «либеральный фашизм».) Но на самом деле все не так просто, разумеется.

Действительно, что такое либерализм? Достаточно имеется стандартных, мало что объясняющих формулировок, типа: «1. Идеологическое и политическое течение, объединяющее сторонников демократических свобод и свободного предпринимательства. 2. Излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство» (Словарь Ожегова); «Либерализм — идейное и общественно-политическое течение, возникшее в европейских странах в 17–18 вв. и провозгласившее принцип гражданских политических, экономических свобод... В 19 — нач. 20 веков сформировались основные положения Либерализма: Гражданское общество, права и свободы личности, правовое государство, демократические политические институты, свобода частного предпринимательства и торговли»⁶.

Это классические определения, но в наши дни они теряют актуальность, уступая позиции неолиберализму. Неолиберализм также пришел с Запада. Для современных западных политэкономистов это в первую очередь теория, представленная наиболее полно в трудах Фридмана, Хайека, Сороса. По сути, огрубляя, — это доктрина всевластия капитала, который берет на себя функции тотальной регуляции в обществе, а государству отводит лишь роль «ночного сторожа». Так в наши дни пытаются окончить извечный спор «злато» и «булат» — абсолютной победой злата.

Но это лишь внешняя оболочка понятия. Надо смотреть *in media res*, в самое сердце проблемы, надо идти к глубинам, к истокам человеческих мо-

⁶ Новый энциклопедический словарь. М.: БСЭ, 2005.

тиваций. Основы либеральной идеологии: 1) вполне обоснованное убеждение в исходном, природном неравенстве людей, их разделении на «сильных» и «слабых»; 2) необоснованная вера во всеисилие денег, этого «всеобщего эквивалента», мерила всех вещей, в т.ч. труда, гения и подвига. Вера в то, что именно деньги, а не прямое насилие (в котором состоит существенная функция государства), есть наилучший, универсальный регулятор любых человеческих отношений. Отсюда и т.н. «попустительство» — либеральная теория *«laissez faire, laissez passer»*. Мол, не вмешивайтесь в жизнь, пусть все идет как идет, деньги все сами поставят на свое место. Отсюда же и неизменная декларация формального равенства людей в правах, при котором, как легко понять, природное неравенство не будет иметь никаких препятствий для воплощения в неравенстве социальном.

По сути, либерализм — это бунт «сильной» личности против многотысячелетнего монстра — государства со всем его аппаратом принуждения. Плюс нежелание делиться со «слабыми» плодами своих трудов, протест против «уравнительной справедливости», которую, как правило, насильно осуществляет государство. Освобождение от власти, от гнета государства происходит через овладение деньгами, которые в силу своей природы «всеобщего эквивалента» являются эквивалентом и свободы индивида. Либерализм, таким образом, есть мировоззрение по сути своей революционное, порожденное некогда глобальным кризисом феодализма со всеми его институтами, включая Церковь и государство, и торжеством капитализма. Никакой либерализм вне капитализма, с его идеей всевластия денег, невозможен. Характерно мнение, высказанное еще в 1902 г. американским журналом «Либереитор», что «либерализм есть манифест в защиту капитализма, обреченного на вечное преследование».

Либеральное устройство общества, конечно, также несвободно от принуждения, но радикально заменяет его характер: с внеэкономического на экономический. Высвобождая и стимулируя при этом интеллект и творческую энергию.

В этом главная причина того, что либерализм опирается на класс предпринимателей и в значительной мере на интеллигенцию. (Не на всю, конечно, ибо некоторые «сильные» из числа интеллигентов сознательно не хотят овладевать деньгами, по-иному трактуя свободу и/или боясь попасть, в свою очередь, под власть денег.)

Ну, а многие «слабые» просто не считают свободу ценностью вообще. Это не их классовый приоритет. Да и денег — эквивалента свободы — у них нет. А есть и такие, что прямо ненавидят свободу как таковую и подавляют везде и всюду, где могут. Вот почему, кстати, никакой либерализм не мог иметь прочного успеха, пока население развитых стран не сократило радикально число своих крестьян и рабочих и не увеличило до предела возможного сектор интеллигенции (в ФРГ уже в 1990-е гг. — 35%, в США — 40%) и предпринимательства. Ибо именно в этом секторе свобода — традиционная ценность номер один. Здесь, кстати, залог неистребимости либерализма в России, где удельный вес интеллигенции к 1989 г. поднялся до 30%.

Нужно ясно понимать, что не получится идейно разгромить либерализм, если не разбить указанные две мировоззренческие основы: убеждение в изначальном неравенстве людей и веру во всеисилие денег, культ «презренного металла». Но первое невозможно в принципе. А второе на данном этапе, когда попытка поставить под сомнение власть денег рухнула вместе с СССР, а капиталистические отношения утвердились в мире повсеместно, тоже не представляется возможным.

Почему идеалы либерализма близки интеллигенции

Это очень просто. Десятилетиями занимаясь как социолог историей и теорией интеллигенции, я пришел к выводу: «...Третья родовая особенность интеллигенции обнаружена давно. Это ее индивидуализм. Он глубоко обусловлен образом формирования и бытия интеллигенции. Процесс созревания интеллигента (несмотря на то что его обучение происходит поточным методом и в коллективе) глубоко индивидуален, ибо знания, навыки не столько даются, сколько берутся; это процесс творческий, сильно зависящий от личности обучаемого. Интеллигент всегда, таким образом, — продукт штучный. И в дальнейшем условия жизни и труда большей части интеллигенции на каждом шагу акцентируют *личностное начало, которое и осознается ею как высшая ценность*. Отсюда свойственные интеллигенту повышенное чувство личной ответственности, его пристрастие к людям, вещам и поступкам, отмеченным яркой индивидуальностью, его стремление “быть не как все”, нелюбовь к массе и массовому и т.д. <...>

Четвертая особенность интеллигенции видится производной от индивидуализма: обостренная любовь к свободе, тяга к независимости. Эта любовь может быть разных тонов и оттенков — от байроновского романтизма до либерализма, революционного демократизма или анархизма. О внутренней обусловленности свободолюбия интеллигенции ее индивидуализмом прекрасно написал еще Карл Каутский, говоря о том, что оружие интеллигента — “это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы” (перевод В. Ленина). Но полная свобода проявления собствен-

ной личности — это такое требование, исполнение которого очень жестко ограничивается общественными условиями. И осознание этого факта с неизбежностью приводит интеллигентского бунтаря-одиночку к общественной борьбе за демократические свободы: слова, печати, собраний и т.д.»⁷.

И еще, коротко и ясно: «Интеллигенции действительно нужны демократические свободы, это не прихоть бесящегося с жиру барчука, а необходимое условие ее полноценного существования. Такова ее природа. Она хотела и должна была добиваться всеми возможными способами этих свобод так же, как инстинктивно, рефлекторно рвется к глотку воздуха задыхающийся, утопающий»⁸.

Сегодня в России пропаганда либерализма предусмотрительно подкрепляется картинками (очень выборочными) «правильной» жизни на Западе, с ее культом комфорта и личных свобод индивида. Этот образ жизни близок сердцу интеллигента, кажется ему очень привлекательным. Он легко клюет на эту наживку. Приезжая на Запад в качестве гостя или наемного работника (в любом случае — чужака), русский интеллигент не заморачивается местными проблемами, проистекающими от указанного культа: депопуляцией, масскультурой, нравственной деградацией, цветной иммиграцией, уподоблением среднего класса белке в колесе, диктатурой меньшинств, жесточайшей цензурой с позиций политкорректности и т.д. Он легко закрывает глаза на минусы и склонен видеть только плюсы, мечтая перенести европейский опыт (личную свободу и комфорт) на свою родину. Он не думает, не понимает, что минусы переедут туда вместе с плюсами...

⁷ Севастьянов Александр. Двести лет из истории русской интеллигенции // Наука и жизнь. 1991. № 3.

⁸ <http://www.apn.ru/publications/article26394.htm>

Мировоззрение индивидуалиста — шоры на глазах интеллигента, мешающие ему видеть жизнь как она есть. Главное, чего он не видит, — необходимость ограничения прав личности правами общества: народа, нации. Здесь должен соблюдаться разумный баланс. Но это требование для либеральствующего интеллигента нестерпимо.

Почему нельзя быть одновременно либералом и националистом

Что противостоит в идеологии либерализму, какие идеи?

Это, в первую очередь, коммунизм и социализм, в котором ищут надежду и прибежище «слабые», коих, как известно, абсолютное большинство в любой популяции.

А во вторую очередь — национализм, в силу своего отрицания индивидуализма и понимания необходимости единства «сильных» и «слабых» в общенациональном организме.

Либерализм и национализм в принципе противоположны — истинно, онтологически. Если либерализм выражает идеалы и мотивы индивидуализма, то национализм, как и социализм, выражает идеалы и мотивы холизма (от английского *whole* — целый). Индивидуализм постулирует приоритет личности над обществом и государством, холизм — наоборот, постулирует приоритет общественного (классового либо этнического), а значит и государственного, над личным. При этом социализм имеет в виду классовый аспект холизма, а национализм — этнический.

Проблема очень проста в своей основе и является зримым выражением закона диалектики о единстве и борьбе противоположностей. Которые в данном случае борются в едином существе интеллигента. Чтобы стать истинным националистом, интеллигенту следует отказаться от индивидуализма и поставить себя на службу целому: в

данном случае — своей нации. Все просто. В теории. И с огромным трудом осуществимо на практике, как мы это постоянно видим.

Проникнуться идеей и мироощущением холизма для интеллигента очень нелегко, потому что требует преодоления собственной природы. Но в принципе возможно (примеров достаточно). А главное — совершенно необходимо. Это условие, как говорится, *sine qua non*: то, без чего нельзя. Интеллигент не станет настоящим националистом, если не научится ставить превыше всего судьбу своего народа и своей страны и подчинять собственную жизнь, труд и свободу данным символам. Национализм взывает к служению.

Противоречие, подмеченное выше, постоянно пробивается в нашем лагере русских националистов. И, конечно же, именно среди интеллигентов. То в явлении национал-анархизма (Петр Хомяков, Алексей Широпаев), то в попытках создать национал-либеральную химеру (Александр Храмов), то в общем чрезмерном и опасном перекосе в сторону демократии среди нынешних так называемых национал-демократов. От каковых я, один из основоположников русской национал-демократии, но притом убежденный национал-державник, вынужден решительно отмежеваться, как некогда Маркс от «марксистов».

Баланс между компонентами «национал» и «демократия» в таком эклектичном, на грани оксюморона, понятии — есть феномен из области высшего пилотажа диалектической политологии. Он не терпит поверхностных подходов и не может быть создан методами спекулятивной философии.

Здесь не место подробному рассмотрению указанной проблемы. Достаточно, если читатель поймет простую вещь: быть одновременно националистом — и анархистом, оголтелым демократом или последовательным либе-

ралом нельзя в принципе. Эти позиции не сочетаемы.

Провал либерализма в России

На явления необходимо смотреть философски, т.е. диалектически. Попробуем так поступить и здесь.

Либерализм в России — не результат спокойной эволюции общества от феодализма к капитализму, как в Европе и США, а исключительно острая, революционная психологическая реакция на коммунизм, на советскую власть, на рабоче-крестьянское государство, на КПСС, на КГБ. Бунт «сильных» (и даже не только) против государственной силы — противодействие, рожденное вековым действием государственного принуждения — принял у нас особенно ожесточенный и тотальный характер, что естественно, если учитывать тоталитарный характер советского государства⁹. Перед нами типичный гегелевский антитезис, направленный против тезиса. Поэтому попытка критиковать его, бороться с ним с позиций коммунизма или социализма заведомо несостоятельна: это откат в прошлое, шаг назад.

Но на антитезисе развитие идеи не кончается. Чтобы расстаться с либеральным антитезисом, надо, конечно, не взывать к ушедшему в прошлое социалистическому тезису, а искать синтезис. Не от особой любви к либеральной доктрине, а ради того, чтобы не оттолкнуть важное, значимое меньшинство — русскую интеллигенцию — от проекта Русского национального государства, которому мы посвятили жизнь.

Таким синтезом является национал-капитализм. Иными словами — гос-

парткапитализм, патронирующий, но и контролирующий национальных предпринимателей во имя интересов государства и народа. Действующий с позиций протекционизма и патернализма, но сохраняющий при этом основные права и свободы человека. Необходимо выйти из плоскости социальной парадигмы — в плоскость парадигмы национальной. Потому что иначе проблему солидарности классов не решить. Классовые интересы интегрируются только в национальном интересе.

Конечно, в либеральном подходе для интеллигенции (не говоря уж, само собой, о предпринимателях), особенно советской формации, чья шея еще помнит ярмо тоталитарного государства, есть очень много привлекательного. Когда-то Ленин едко издевался над «свободой» интеллигента... продаваться тому, кто дороже заплатит. И его юмор воспринимался до тех пор, пока мы в СССР не узнали иную «свободу» — свободу отдаваться даром родному государству. Добровольно и с песней, как говорилось тогда. Все познается в сравнении. И пока наша шея помнила это ярмо, вести открытый бой с либерализмом — было неразумно и бесплодно.

Но сегодня ситуация меняется. Огромное большинство интеллигенции — причем именно второго порядка, т.е. обслуживающей духовные потребности самой же интеллигенции — оказалось на мели в царстве чистогана, испытывает нужду и разочарование. И это не фантомные боли в отрезанной «социалистической» ноге, а результат вполне объективного сравнения нынешнего положения, скажем, профессуры или писательского корпуса с положением при советской власти. Да, правдолюбцам и правдоискателям диссидентского склада было хреново в СССР, но их-то было ведь меньшинство! Можно не обращать внимания на ностальгирующих ветеранов культурного фронта, но достаточно прочесть, к примеру, совершенно документаль-

⁹ В конечном счете, если учесть, что наш социализм был на деле социал-феодализмом, можно сказать, что и у нас имел место переход от феодализма к капитализму, породивший либеральное мировоззрение. Только он имел взрывной, революционный характер в силу скоротечности этого перехода.

ную книгу Валентины Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930-1950-е гг.», чтобы ощутить гигантскую пропасть между нашим временем и той эпохой, когда государство по-настоящему заботилось о своем интеллектуальном резерве.

Но самое главное: перспектива коренных перемен в условиях жизни как интеллигенции, так и абсолютно большинства русского населения даже не просматривается. И причина этого, как совершенно верно отмечают наши либералы (например, прозорливый Игорь Юргенс), заключается в самом русском населении, которое и не собирается переделывать свою ментальность, менять образ мысли и деятельности. За двадцать постперестроечных лет в корне изменилась вся наша жизнь, ее основы и принципы обустройства, а вот лестница приоритетов у нашего народа осталась практически неизменной. Об этом свидетельствуют социологические опросы. «Например, на вопрос: “Какое у вас самое заветное желание?” — 23% россиян пожелали “жить в гармонии с собой и окружающим миром”, “обрести настоящее счастье” (11%), “найти счастье в браке”, “избавиться от неуверенности”. Порой они желают “улучшить свое материальное положение”, очень редко — “открыть свое дело” или “совершить выгодную сделку” (1%)»¹⁰. Мечтательный и непрактичный характер русского человека четко виден из этих цифр: непонятно, как можно улучшить свое положение, если не заниматься предпринимательством? Только на чудо, на щучье веленье надеяться... Или, что привычнее, а главное, органичнее для нас, — на государство.

Когда мы сетуем на слабость и незрелость на данном этапе русского национального капитала, на непропорцио-

нально большое количество нерусских бизнесменов, следует вспомнить приведенные данные. Русский человек вполне способен развивать предпринимательскую деятельность (примеров много), но в массе не желает этого делать. Государственный патернализм для русских — не просто образ мысли, но фундаментальная основа мировоззрения: если наше государство о нас не заботится — на черта оно вообще нужно?!

Понятно, что при таком раскладе, когда 99% населения внутренне не стремится ни открыть свое дело, ни совершать выгодные сделки, шансов обрести деньги, а с ними свободу от государства, у этих людей нет. Что им, в таком случае, либеральная пропаганда? Колебание воздуха, не более.

Понятно, что либеральный проект с неизбежностью должен был провалиться — и таки провалился в России. В ходе политических баталий, растянувшихся на всю предвыборную, выборную и поствыборную кампанию 2011–2012 гг., выяснилось, что либерально настроенная публика составляет чуть более 7% населения (ее совокупное количество выражает цифра проголосовавших за Михаила Прохорова, консолидировавшего, за выбытием из игры Явлинского, голоса данного контингента). В то время как публика патриотического толка, категорически не принимающая либерального курса и готовая предпочесть ему что угодно и кого угодно (совокупный электорат Путина, Зюганова, Жириновского и Миронова), представляет свыше 90%.

Задолго до выборов свой провал отметили, скрепя сердце, наиболее умные, дальновидные либералы. И вот в учебнике с характерным названием «Национализм», выпущенном Высшей школой экономики, опорным для либералов вузом, ими написано совершенно определенно, черным по белому: «“Русский национальный проект” в его современной форме является антитезисом провалившегося “либерального

¹⁰ Цитата из кн.: *Сергеева А.В.* Какие мы, русские? (100 вопросов — 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. М.: Изд-во ЗАО «Русский язык», 2010.

проекта»¹¹. Авторы приводят с десятков аргументов, из которых неопровержимо следует, что именно национализм в наши дни сделался главным и основным, «фронтальным» оппонентом либерализма. Но аргументов насчет либерального провала они не приводят вообще, за его самоочевидностью.

Удивляться тут нечему. В сущности, что по-настоящему отвратительно в т.н. либерализме? То же, что и в т.н. коммунизме: классовый эгоизм. В первом случае — высших, во втором — низших слоев общества. «Сильных» и «слабых». Люди это чувствуют.

Но ведь и тот, и другой эгоизм диалектически «снимается» в национализме!

Сделаем неизбежный вывод: в России следует ждать установления режима, отражающего националистические ценности и установки, притом с социалистическим надцветом. Не напрямую социалистическим (частный бизнес уже никуда не денется, национализации большинства средств производства не будет), но, скорее всего, именно патерналистским и протекционистским. В лучших русских традициях.

«Не можешь удушить — возглавь!»

Все мы знаем этот классический принцип, изложенный еще в «Катехизисе еврея в СССР». Поэтому не приходится удивляться, что уже давно в либеральных кругах (преимущественно еврейских) не прекращаются попытки поженить либерализм с национализмом. По мере усиления позиций национализма такие попытки растут.

Вначале активнее других этим занимался директор Института национальной стратегии Станислав Белковский и аффилированные с ним структуры и люди. С этой целью им была инспирирована 8 июня 2008 года конференция «Новый политический национализм»,

на которой состоялся альянс ряда русских организаций (ДПНИ, «Великая Россия», РОД) с набравшим известность Алексеем Навальным, только-только еще выскочившим из «Яблока», но имевшим репутацию либерала. Комментируя то событие четыре года назад, газета «Коммерсантъ» писала: «Главное, что удалось договориться с Навальным, который возглавил кампанию против экстремистов, добился, что лозунги типа “Россия для русских” сняты, развернул дискуссию, в частности, о цивилизованном обращении с мигрантами»¹². А сам Белковский откомментировал коалицию так: «Предмет этого собрания состоял в первую очередь в поиске идеологического синтеза, то есть соединения социальных, националистических и либеральных идей. Два года назад я назвал это национал-оранжизмом. Именно этот синтез обеспечил успех оранжевой революции на Украине в 2004 году, а в 2003-м — приход Михаила Саакашвили к власти в Грузии»¹³.

Мероприятие оказалось с дальним прицелом: посеянные тогда всходы весьма густо взошли на Болоте имени Сахарова. Успех?..

Помимо Белковского той же проблемой — синтеза национализма и либерализма — озабочены и иные инстанции, к примеру, упомянутая Высшая школа экономики и ее шеф, бывший учитель Егора Гайдара и министр в его правительстве Евгений Ясин. Тот самый учебник Сидориной и Полянникова «Национализм. Теории и политическая практика», подготовленный для ВШЭ, в значительной мере посвящен решению данной задачи¹⁴.

Далее. Как стало известно, именно

¹² <http://www.warweb.ru/GetMaterial.asp?Page=716062008>

¹³ <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.137628.html>

¹⁴ Подробнее см.: *Севастьянов Александр*. Учиться, учиться и учиться... национализму // Вопросы национализма. 2010. № 4.

¹¹ *Сидорина Т.Ю., Полянников Т.А.* Национализм. Теории и политическая практика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 342.

фонд «Либеральная миссия» проводит исследование «Национальная политика: либеральный проект» под руководством Эмиля Абрамовича Паина, долгое время бывшего советником по национальной политике у Ельцина. Первый семинар в рамках проекта был посвящен... проблеме русских в России, истории и перспективам государственной национальной политики в отношении этнического большинства нашей страны. Эти вопросы обсуждали участники проекта Игорь Кузнецов, Владимир Мукомель, Эмиль Паин, а также их единомышленники и оппоненты Лев Гудков, Надежда Лебедева, Валерий Расторгуев. Вел обсуждение Евгений Ясин.

Как видим, проблемой синтеза либерализма и национализма давно и всерьез занялись наиболее острые, продвинутые умы противника. Налицо их общая нешуточная озабоченность и общее направление усилий. Удержать власть над Россией с помощью компромисса и/или альянса с националистами, чьего неизбежного возвышения они не без оснований опасаются, — вот их сверхзадача.

Для этого необходимо перехватить инициативу в национальной политике.

Неудивительно, что наиболее авторитетная и открыто политичная попытка сосватать националистов с либералами (точнее, сторговаться с националистами) была недавно осуществлена сидящим в колонии олигархом Михаилом Ходорковским, который через «Новую газету» выступил с открытой лекцией «Между империей и национальным государством. Национализм и социальный либерализм»¹⁵. Сиделец, признанный политический лидер либерального лагеря, методично раскладывает, однако, свои яйца по всем основным корзинам (недавно вот проникновенно написал о социализме, как будто меня начитался). Засевает все поле

квадратно-гнездовым методом. Чтобы к своему выходу на сцену обеспечить себе поддержку у основных политических сил. Очень неглупая тактика. Цель, конечно же, — президентская власть. С тюремных нар — на царский трон: нет лозунга и жребия популярнее в нашей бунташной стране!

Есть смысл остановиться подробнее на его проекте той самой доктрины либерального национализма или национального либерализма, созданием которой вынужденно озабочен сегодня весь лагерь либералов.

Брачный контракт Ходорковского для русских националистов

Основной пафос статьи Ходорковского — в формулировании условий, на которых русским националистам предлагается мир и сотрудничество.

Первым же абзацем Ходорковский делает сильный ход, бросая русским националистам самую вкусную, «сахарную» кость: «Суть переживаемого Россией исторического момента состоит в том, что империя как государственная форма себя полностью исчерпала, а национальное государство, которое должно было бы ей наследовать, так и не появилось на свет. Русское государство застряло на историческом полустанке, затерявшемся между империей и национальным государством, и не только не продвигается вперед, но порою даже начинает двигаться вспять». Тем самым зек-олигарх дает нам понять, что принимает неизбежность возникновения Русского национального государства. То есть апробирует главный пункт повестки дня русского национализма. Лучшего пролога к предложению о сотрудничестве с нами он не мог бы придумать.

И такое предложение следует незамедлительно: «Одной из причин, по которой “наш бронепоезд” так долго стоит на запасном пути истории, является идеологическое недоразумение,

¹⁵ <http://www.novayagazeta.ru/politics/53088.html>

вследствие которого русский либерализм не приемлет национализма, а национализм отрицает либерализм как одно из своих оснований... Все это заставляет меня пристальнее посмотреть на соотношение либерализма и национализма, дабы попытаться изжить многие свойственные как русским либералам, так и русским националистам предрассудки».

Итак, для того чтобы Россия двинулась вперед, главным действующим лицам современной российской истории, сиречь либерализму и национализму, надо перестать третировать друг друга и заключить союз. Вот очевидный смысл сказанного.

Следующий шаг, логически оправданный, — манифестация доктрины «либерального национализма». И тут главной приманкой для нас должны послужить уверения: «Либеральный национализм признает за каждой нацией право на построение собственной демократической государственности». А чтобы успокоить тех своих адептов, которым заключать такой союз кажется неприличным, он уговаривает: «В конце концов, либералы исторически поддерживали право нации на самоопределение, вплоть до создания собственного государства, и нет никаких оснований отказывать в этом праве русскому народу».

Ну, а далее следует главное: условия соглашения между ними и нами. Ходорковский, как и следует крупному дельцу, продвигающему выгодный контракт, сразу берет быка за рога. «Какие варианты могут предложить либералы русскому народу?» — задается он деловым вопросом. И перечисляет:

1) единая и неделимая Россия в нынешних границах («дальнейшее деление страны с целью защиты прав русского народа и отбрасывание “национальных окраин”, как это сделали в 1991 году, по всей видимости, не является выходом из положения»);

2) федеративное устройство России

(«странным было бы учреждение самостоятельного русского государства внутри современной России. Это стало бы шагом назад к архаичной имперской структуре во времена, когда империи стали пережитком прошлого»);

3) решение национальных проблем и противоречий через «консенсусную демократию», предусмотренную «нашей Конституцией» («я вижу решение национального вопроса через развитие демократии и максимальное использование тех возможностей, которые она предоставляет для разрешения подобного рода коллизий. В Конституции заложены латентные механизмы, способные снимать накапливающиеся противоречия между положением титульной нации и национальными меньшинствами»);

4) «расширить полномочия Государственной думы, состав которой по определению опосредованно отражает основные пропорции социального и национального состава избирателей. В этом случае именно Государственная дума являлась бы органом, выражающим государственное единство русского народа и действующим с учетом мнения представителей остальных народов, входящих в состав России. Конечно, регламент такой Государственной думы должен быть скорректирован таким образом, чтобы учет мнения меньшинства стал обязательным... С практической точки зрения положение, когда парламент лишен большей части властных полномочий, — это не только фактическое умаление демократии. Это и есть ограничение русской национальной государственности в пользу наднациональной, авторитарной бюрократии, сформировавшей исполнительную вертикаль»;

5) «Одновременно Совет Федерации, создаваемый на базе регионального представительства, стал бы тем, чем он изначально должен был быть, — органом обеспечения равенства всех наций в составе федерального государства, который призван

сбалансировать естественное неравенство, создаваемое пропорциональным представительством в нижней палате парламента»;

б) «Федеральное правительство в такой ситуации наконец стало бы, как это принято в мире, финансово подконтрольным парламенту, обеспечивающим исполнение найденных в парламенте компромиссных решений, в том числе в области национальной, экономической и социальной политики».

Вот таким видится Ходорковскому макет будущего Русского национального государства. Ничего общего, кроме усиления роли парламента, с идеей такого государства этот макет не имеет (сужу об этом, как руководитель авторского коллектива юристов, создавшего еще в 1998 г. проект Конституции России именно как русского государства). А во многом еще и противостоит ему. Ни неизбежность нынешних несправедливых границ; ни федеративное, вместо унитарного, устройство; ни излишняя в национальном государстве верхняя палата парламента, позволяющая национальным меньшинствам контролировать русское большинство, нам ни к чему. Минуя подробности, скажу о главном.

Истинную сущность своего макета «русского государства» Ходорковский выразил так: «Разрешение национального вопроса в России в стратегической, глобальной перспективе возможно только в рамках построения по-настоящему демократического, то есть истинно национального государства, в котором реально работающая система разделения властей позволяет гибко защищать интересы русской нации, не ущемляя прав других национальностей» (курсив мой. — А.С.).

Не будем обольщаться риторикой. Как мы знаем, «национальным государством» (nation-state) либералы признают даже США, с их диктатурой меньшинств всех сортов под маской «настоящей демократии». Так что тут нам обманываться не приходится.

«Русское государство» Ходорковского на деле будет обычным «государством для всех» по американскому образцу, где на месте нации (русской в нашем случае) утвердится простое согражданство, а хозяином дома станет олигархический интернационал.

Запрягая телегу демократии впереди лошади национализма, Ходорковский выдает себя с головой. Становится понятным его недовольство тем, что «в либеральной среде» бытует «ощущение моральной неприемлемости взаимодействия с людьми, придерживающимися национально-демократических взглядов». Ведь на горбу именно этих доверчивых людей — русских НД — он рассчитывает въехать в рай своей мечты.

Что будет потом — гадать не надо. Ведь в том же тексте есть и конкретика.

Острый крючок под аппетитной наживкой

Вначале открою секрет. Главная причина, почему Ходорковский готов согласиться на русское национальное государство, состоит в его тайной убежденности в том, что никаких русских на самом деле нет. Как нет и наций вообще. Да и национальность человека — всего лишь вопрос его субъективного выбора. Вот цитаты, говорящие за себя:

1. «Надо прежде всего разобраться, что мы понимаем под “нацией”. Одни рассматривают нацию прежде всего как культурную общность... Другие, напротив, полагают более значимой политическую или гражданскую общность вне зависимости от этнической и культурной принадлежности. В их представлении нация — общность “граждан”, то есть своего рода политическое объединение. Очевидно, что истина находится где-то посередине... Нация есть социальная общность, основанная на единстве как культурных, так и политических ценностей».

Предлагая нам ложный выбор меж-

ду «культурной» и «политической» общностью, Ходорковский только запутывает все дело. Понятно, что его «безнациональная нация» — это типичное «воображаемое сообщество», чье единство скреплено не чем-либо реальным, а лишь фантомами индивидуального сознания. Оно ничего общего не имеет с настоящей нацией, то есть с этнонацией.

2. «Говоря о русских, переживших многовековое иноземное нашествие, гражданскую и две мировые войны, в ходе которых целые народы перемещались по континенту, рассуждать об “этнической чистоте” было бы совсем неуместно». Типичная для полукровки мысль, расхожий, излюбленный, но фальшивый козырь еврейской пропаганды.

3. «В целом, по мнению либералов, люди выбирают свою национальную принадлежность пусть и не всегда самостоятельно (чаще это делают их родители). Но тем не менее это именно выбор, который может быть изменен по воле человека». Еще одна типичная для полукровки мысль, абсурдная в своей основе («мы то, что сами о себе думаем»).

Исходя из этих установок, Ходорковский формирует свое предложение нам, русским националистам — наживку, на которую мы должны клюнуть, как он считает. Однако мы именно этого-то делать и не должны, и вот почему.

Во-первых. В этом государстве, русском только по имени, у русских не будет никаких преимуществ. Не будет их и у других коренных народов России вообще. Пресловутые права человека получают верх над правами гражданина: «При внимательном рассмотрении важнейшими, системообразующими элементами современного либерального национализма оказываются приоритет прав личности, отраженный в доктрине прав человека, вера в равноценность людей, независимо от их расы, вероисповедания, социально-

го статуса и национальности, то есть сугубо либеральные ценности. Отсюда логически следует признание равенства наций (!) и отказ от этнической доктрины (!), когда принадлежность к нации определяется по признаку крови».

Во-вторых. Это будет государство мультикультурное, по типу современной Франции, Голландии, США и т.д.: «В связи с либеральным национализмом необходимо упомянуть и о поликультурализме (мультикультурализме) — интеллектуальном движении, возникшем во второй половине XX века и призывающем к сохранению, развитию мультикультурности существующих государств, к уважению культурных особенностей составляющих их народов. Либерализм признает этот подход (!) в силу собственной позиции о праве выбора человеком своей культурной идентичности».

В-третьих. Это будет государство, окружающее иммигрантов самой трогательной заботой и покровительством, идеальное для них. Необходимость чего чисто популистски объясняется стремлением насолить чиновникам: «Реальные успехи в привлечении (!) образованных иммигрантов, в повышении образовательного и культурного уровня вновь прибывших (!), в предоставлении им возможностей для интеграции в российское общество (!) лишили бы бюрократию и сотрудничающий с ней бизнес рабского трудового резервуара, ликвидировали бы удобный громоотвод для общественного недовольства».

Каким лицемерием на фоне этой заботы отдает следующий пассаж: «На протяжении многих лет, несмотря на все красивые лозунги о модернизации, власть последовательно выпихивает из страны активных, образованных молодых людей, создает неприемлемую среду для возвращения тех, кто получил хорошее образование за границей и желал бы жить и работать в России». Вопрос на засыпку: остановит или

подстегнет бегство русской интеллигенции за рубеж «привлечение образованных иммигрантов» и усиление их «интеграции в российское общество»?! Ясно, что если это и впрямь будет так, то и последние русские побегут из опаскудевшей России, окончательно предоставив ее на съедение инородцам. А Россия наконец-то превратится в желанный для либералов аналог США, где проживает «нация иммигрантов» (Джон Кеннеди).

Впрочем, для ходорковских понятие «инородец», как известно, не существует. Ведь их незыблемый, «базовый» постулат прост: «Фактическое, а не декларативное равенство прав людей, легально остающихся в России и желающих интегрироваться в нашу культурную среду». Итак, да здравствует Россия — Новый Вавилон!

В-четвертых. Это будет государство не только федеративное (что само по себе противоестественно для русских, самоопределившихся на всем пространстве России), но и максимально децентрализованное: «Конституция, закрепив федеративное устройство, тем самым закрепила за субъектами Федерации право самим определять свою судьбу. В основании бюджетной пирамиды должны лежать полноценные бюджеты субъектов Федерации и производный от них федеральный бюджет».

Делец и либерал Ходорковский знает, что говорит: свобода имеет денежный эквивалент. Предоставить регионам самим формировать свой бюджет — и федерация неизбежно, быстро и необратимо превратится в конфедерацию, а там и распадется на куски. Мы уже проходили это на опыте СССР.

В-пятых. Залогом именно такого развития событий являются строки, как будто списанные Ходорковским у Алексея Широпаева, известного национал-анархиста, мечтающего об уничтожении всякой центральной власти в России: «Таким образом, федеральная исполнительная власть вы-

ступает в качестве оккупационного режима — собирая не налоги, а дань, то есть не неся никакой ответственности перед своими “подданными”».

Послушать этих господ, так русский народ вообще всю свою историю пребывает под оккупацией собственной власти, и лучше бы ему ее никогда не иметь. А коль скоро она все же существует, то надо поскорей от нее избавиться.

И вот все ЭТО нам предлагается принимать за Русское национальное государство? Даже не смешно...

Но нужно ли нам такое «русское государство» а-ля Ходорковский? Приемлемы ли такие условия компромисса, которые предлагает он нам? Я думаю, нет.

Либеральный коридор для нас слишком узок

Ходорковский, как уже сказано, не первый из либералов, кто озаботился проектом либерального национализма. Анализируя знаковую книгу — учебник по теории и практике национализма, выпущенный ВШЭ, я писал:

«Проверкой нас на верность национал-демократическим принципам авторы не ограничиваются и далее подробно перечисляют условия своей почетной капитуляции. Для этого победоносные националисты должны соответствовать шести критериям (по Л.М. Дробижевой):

“О либеральном национализме можно говорить, если:

— государственность декларируется от имени граждан, проживающих на территории республики, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной территории (или народов, этнонаций, национальностей, живущих в республике);

— устройство государства в республике можно отнести к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее избирательное право, представительный характер власти, выборность вла-

сти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

— обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;

— допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, свобода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы, возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических, сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;

— наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;

— обеспечивается свободное право личности на выбор национальности”.

На основании данного перечня критериев авторы учебника делают свой вклад в создание идеала “национализма в хорошем смысле слова” (В. Путин). Фиксируя дрейф интеллектуального мейнстрима России в националистический сектор, они сами спешат в него встроиться: “Либеральный национализм видится если и не доминирующей (к сожалению) формой современного национализма, то наиболее актуальной и перспективной”. Ну, это пока не факт.

Как теоретик и политик-инсайдер русского национализма я сразу и совершенно уверенно могу сказать, что из названных шести критериев мы практически полностью соответствуем всем, кроме первого и последнего (с небольшой оговоркой: меньшинствам, конечно же, гарантируются права, но только общие, а не какие-то особые, и именно по соображениям демократии).

Но точно так же твердо и уверенно я гарантирую, что у русских националистов никогда не повернется язык ни декларировать русскую национальную

государственность от имени всех людей, проживающих в России (т.е. попросту всего населения), ни признать, а тем более обеспечить свободное право личности на выбор национальности. Но, конечно же, не по причине нашей измены демократическим идеалам, а по причине нашей верности здравому смыслу и нежелания выглядеть полными идиотами и пропагандистами злостного абсурда¹⁶.

Принятие националистами любой национальности двух отринутых мною выше условий означало бы не только добровольное признание абсурдистской логики, но и полное выхолащивание национализма как такового, манифестацию национализма без национализма. После чего рассчитывать на собственный сложившийся и распропагандированный электорат уже не придется: не поверит.

От русских националистов такого ждать не следует. Если из-за этого нас не удостоят сертификата истинных (читай: либеральных) националистов — что ж, придется пережить. Доверие русского народа важнее. Но не лучше ли либералам взяться за ум и снять заведомо невыполнимые требования с повестки дня?».

Опубликование лекции Ходорковского ясно показало, что либералы и рады бы взяться за ум, да не могут перешагнуть через себя. А значит, наш «брак по расчету» никогда не сможет состояться.

Добавить к этому и сегодня было бы нечего. Если бы в лагере националистов не появился сикофант от либера-

¹⁶ Не перегружая справочный аппарат статьи обширными ссылками на материалы многих дискуссий на тему, чем и как определяется национальность человека, замечу лишь одно: мы, разумеется, за свободный, но документально обоснованный выбор личностью своей национальности. К примеру, сын татарки и башкира волен записаться как в татары, так и в башкиры, но, уж конечно, не в эфиопы, китайцы или русские.

лизма — Александр Храмов со своим симулякром «национал-демократии».

Капитуляция до схватки

Когда в волчьей поединке один из бойцов чувствует свою несостоятельность, он падает на спину, лапы вверх, и подставляет противнику яремную вену — свою смертельно уязвимую точку. Признавая тем самым его властелином своей жизни и смерти. Победитель никогда не кусает лежащего в такой позе врага, разве что великодушно побрызгает на него.

Об этом наблюдении этологов мне напомнила книжка Храмова, представляющая собой фронтальную капитуляцию по всем пунктам перед либеральным дискурсом, причем предварительную, даже еще до начала схватки. Капитуляцию националиста, которого после этого националистом называть язык уже не поворачивается.

Применительно к брачной ситуации (законная метафора сватовства либералов к националистам) можно бы сказать и о невесте, которая, не дожидаясь уплаты обещанного щедрого калыма и собственно свадьбы, дала женишку задарма. После чего уж на калым рассчитывать было бы как-то странно...

В чем же я вижу капитулянтство Храмова?

Когда Храмов еще только подготовил брошюру в виде катехизиса¹⁷ с многообещающим и ответственным подзаголовком: «Русская национал-демократия в вопросах и ответах», третьи лица переслали мне ее в электронном виде на отзыв, я прочел и отреагировал статьей «Расчленители. Федеративное беснование под маской

национал-демократии»¹⁸. Поскольку основной акцент и основную опасность брошюры я увидел в пропаганде ультрафедерализма, через которую отчетливо просматривается цель — развал России. Тех, кому может быть интересна критика данной цели и данной брошюры, я отсылаю к указанной статье. Здесь же остановлюсь на главных моментах, позволяющих подтвердить основную характеристику: начав свою политическую карьеру с роли троянского коня национализма в лагере либералов, нынешние «национал-демократы» в лице Храмова докатились до роли троянского коня либерализма в лагере националистов.

Все начинается с открытого признания либеральных приоритетов: «хочется западной свободы и европейского комфорта». Храмов сетует, что в России правят бал не те либералы («с начала 1990-х сложилась нездоровая ситуация: монополию на либерализм присвоили себе люди, которые подчеркнуто дистанцируются от русского большинства») и уверяет, что «мы либеральнее патентованных “либералов”». Что немедленно и доказывает, почти слово в слово повторяя программу оных в отношении нации, национализма, России и русских. А именно:

— нация есть согражданство: «быть гражданином национального государства — это значит быть членом нации» (почему в таком случае государство именуется национальным — уму непостижимо). Интересно, что Храмов цитирует Иммануила Канта, предлагающего рассматривать «соединенную коллективность народа» именно «в качестве племени», но при этом он не в состоянии оценить простую и глубокую мысль немецкого философа и пишет все поперек нее;

— «национальное государство не делает различий между своими гражданами, в том числе по этническому

¹⁷ Остается загадкой, на каком основании Храмов, признаваясь, что «данный текст не претендует на то, чтобы быть консолидированной программой национал-демократического направления», позволил себе при этом избрать жанр катехизиса, предполагающий изложение некоего канона.

¹⁸ Опубликовано в «Нашем современнике» (2012. № 2).

признаку» (какое же оно после этого национальное?). В пример и образец, конечно же, приводится излюбленный казус конструктивистов — Франция: «быть гражданином Франции — значит быть французом, даже если твои предки жили в Венгрии, как у нынешнего президента Николя Саркози» (возведение венгерского еврея в ранг француза показательно). Тут Храмов немедленно впадает в противоречие, поскольку пытается одновременно ставить в пример Израиль (жестко этнократическая страна, в которой даже присягу приносят именно *еврейскому*, а не какому другому государству). Но эти две страны столь же разительно, принципиально отличаются друг от друга, как отличаются «гражданская нация» и нация этническая. Начитавшийся конструктивистов Храмов этого различия не видит в упор... Впрочем, поскольку льстить Израилю и евреям есть хороший тон у либералов, он, конечно, не мог избежать искушения;

— «все граждане Румынии рассматриваются как румыны, а Италии — как итальянцы» (мало того, что это неправда, но по данной логике и нам следует алеутов, тофаларов, адыгов и тутти фрутти записать в русские);

— «современная нация строится вокруг литературного языка, индивидуального самосознания, капиталистических отношений и народного представительства» (полное смысловое совпадение с Ходорковским. Исключение общности происхождения у того и другого симптоматично. То же, кстати, было и в сталинской формуле нации);

— «нации-государства Европы справляются с миграционным потоком именно в силу устойчивых национальных ценностей. Голландия как государство сделает все, чтобы сохранить свой голландский характер. Переезжая в Голландию, надо стать голландцем» (то-то там уже действует мусульманская полиция, охраняющая своих, мусульман, от «произвола» голландской полиции! Не знаю, чего в утверждении

Храмова больше: простодушной наивности, невежества или самообмана);

— «управлять территориями от Калининграда до Владивостока из единого центра — это утопия» (Храмов никак не объясняет свой тезис, просто ссылается на опыт Австралии и Канады, которые якобы «сопоставимы с Россией по расстояниям»; о том, что они не сопоставимы ни по количеству и качеству населения, ни по принципам экономики и политики, ни по истории, менталитету и традициям, он умалчивает. Как и о том, что в течение семидесяти советских лет управляемость всего огромного СССР была на порядки выше, чем в любой другой стране мира, а мобилизационные возможности нашей страны были вне всяких сравнений по любым критериям);

— «унитарное государство годится для Эстонии или Чехии, но не для таких крупных пространств» (пусть бы юное дарование рассказало это нынешним весьма централизованным китайцам¹⁹, сравнение с которыми для нас куда актуальнее, нежели с Австралией и Канадой);

— Храмов ратует за «региональную автономию в исполнительной, законодательной и экономической сферах»; «русские федеральные земли должны получить свободу законотворческой деятельности»; «там, где деньги зарабатываются, они должны и тратиться»;

— дальнейшие рассуждения типа «на то, чтобы компенсировать созданный ею же самый дефицит, Москва по своему усмотрению выделяет регионам средства, собранные с них же» — кажутся дословно списанными у Хо-

¹⁹ Слепота Храмова видна хотя бы из того, что он по старой памяти зачисляет Китай — в некий «третий мир» (каким он был в 1960-е), не видя в упор, что эта великая страна давно уже рассталась с временно отсталым прошлым и уверенно пошла на обгон лидера «первого мира». В сегодняшних реалиях к бывшему «третьему миру» куда ближе Россия.

дорковского, однако брошюра вышла раньше, чем статья, и можно было бы заподозрить обратное, если не знать, что подобные формулировки есть общее место у всех либералов;

— «федерализм позволит преодолеть конфликты и сплотить нацию» (хороша сплоченность, если в каждой земле будут свои законы, свои бюджеты, свой образ правления!);

— закономерный итог: «русская национально-демократическая революция сокрушит грабительскую российскую вертикаль власти. Русское национальное государство будет строиться как федерация русских земель, связанных отношениями партнерства, равноправия и справедливости». Совершенно не случайно в недавнем докладе Института современного развития (ИНСОР — флагман системного либерализма; формальный руководитель Игорь Юргенс, фактический Евгений Гонтмахер) сделан упор именно на федерализм и необходимость возрастания самостоятельности регионов — проще говоря, раздробление РФ на отдельные уделы. Они смотрят на вещи одними глазами.

Резюме Храмова вполне последовательно: «Россия не для русских, да она им особенно и не нужна. Просто дайте русским — как их дали всем остальным народам России — собственные национально-территориальные образования, за которыми будет закреплен их русский национальный статус». Такой вот умственный итог нашей тысячелетней истории!

Подробно и обстоятельно данная утопия, которая при попытке воплотить ее в жизнь неминуемо приведет к распаду нашей Родины, исследуется в упомянутой статье «Расчленители» (можно найти и на моем сайте www.sevastianov.ru). Здесь же я хочу лишь подчеркнуть полное совпадение позиции Храмова с доктриной либерализма в ее всемирном (читай: западном) варианте.

«Весь так называемый золотой мил-

лиард живет в странах с либерально-демократическим строем», — уговаривает нас Храмов на признание благотворности либеральных идей и западного образа жизни. «Альтернативой постепенному скатыванию Российской Федерации в категорию стран третьего мира может стать только создание на его территориях русского государства европейского образца».

Если бы автор книги почаще и подольше бывал в этих странах, то вместо слова «живет» он поставил бы: «вымирает с комфортом». Это не только мое личное, выношенное во многих пребываниях в европейских столицах, мнение; это, прежде всего, всесторонне аргументированная позиция таких высококомпетентных инсайдеров, как Патрик Бьюкенен, Дэвид Дюк, Гийом Фай и др. Но у Храмова, как мы знаем, пока что другие авторитеты: Эрнст Геллнер, Эрик Хобсбаум, Бенедикт Андерсон, Дэвид Роули... Храмов уповает на достижения «европейских правых» в последние годы, но это лишь припарки мертвому, дело уже зашло слишком далеко.

В храмовском проявлении «низкопоклонства перед Западом» (шутка с большой долей правды) — истинное исповедание либеральной веры. Интересно сравнить эталонное откровение Ксюши Собчак «Новой газете»: «Мое главное политическое требование очень простое: я хочу жить в цивилизованном, правовом, европейском государстве»²⁰. В устах либерально-гламурной иконки это звучит особо убедительно!

Может быть, перед нами просто врожденная слепота детей, выросших после 1991 года и не помнящих такую мировую сверхдержаву как Советский Союз, выстроенную на антизападных, «антиевропейских» принципах? Да, эта держава рухнула под гнетом своих же противоречий, но не потому, что отрицала западный путь, а

²⁰ Новая газета. 2012. №69.

потому, что отрицала его недостаточно последовательно, клюнула на дешевую наживку (ту же самую, кстати, на какую клюет и Храмов с присными), пошла на необдуманный компромисс с либерально-демократическими принципами...

Едва ли не главный ключ к заблуждениям Храмова в его словах: «Мы, русские, такой же европейский народ, как и все остальные. Мы не больше отличаемся от поляков и французов, чем они отличаются друг от друга». Но достаточно просто поставить рядом Нотр-Дам де Пари и киевский (новгородский) собор Святой Софии или храм Василия Блаженного, чтобы нелепость данной максимы стала очевидна даже идиоту. Не зная ни русской истории, ни русской культуры, ослепленный идеалом «красивой жизни на Западе», Храмов мечтает о переделке «мышей в ежиков», русских в европейцев. А в сущности, о смертельно опасной операции — пересадке сердца нашей нации. Не дай бог...

Я не стану тут распространяться о других идейных провалах и недостатках храмовской брошюры (таких, к примеру, как воспевание исторически несостоятельного опыта Новгородской республики, оправдание и одобрение сепаратистских настроений в русской Сибири, отрицание российской государственности во всех ее ипостасях и приписывание ей тотально антирусского характера — типичный национал-анархизм хомяковско-широпаевского толка, и т.п.). Все вместе они рисуют нам знакомое отрицание государственности во имя этничности (на деле, как мы видели, псевдо-этничности), недаром Храмов вырос из Национально-Демократического альянса Алексея Широпаева. «Анархическая русофобия»: вот краткая суть этого учения. Которое вполне органично и естественно сплавляется с либерализмом в единый сплав.

Ряд мыслей, прямо взятых у автора этих строк (без всяких ссылок, разуме-

ется, как это принято у продвинутой молодежи), выполняет в брошюре роль прикрас, но не спасает положения. Повапленный (раскрашенный) гроб — все гроб.

О национально-либеральном альянсе

Итак, мы видим: попытки создать синтез национализма и либерализма идут и от либералов, и от националистов. Процесс явно двусторонний. Есть ли у них сегодня шанс на свою «встречу на Эльбе»? На компромисс, устраивающий обе стороны? Нет, пока я так не думаю.

Напомню читателю вновь, что, выпуская в свет свои книги «Национал-капитализм» (1995) и «Национал-демократия» (1996), я в свое время предпринял самую первую попытку запустить троянского коня национализма в лагерь русской интеллигенции — лагерь стихийных либералов и демократов. Поэтому не могу сказать, что идея национально-либерального альянса для меня так уж чужда и неприемлема. Но есть крайне принципиальные отличия моей позиции от того, что мы наблюдаем сегодня в лагере так называемой русской национал-демократии.

Чем плоха, на мой взгляд, теория Александра Храмова? Чем плоха практика Белова, Крылова, Соловья? Тем, что их позиция на торгах с либералами представляется мне капитулянтской, во-первых. Тем, что они неправильно определились с субъектом торгов, во-вторых. А именно.

Капитулянтство выражается в принятии либеральной, т.е. конструктивистской, трактовки наций и национализма. А также в закоренелой ненависти к нашему государству, в которой совместились традиции западного либерализма и русского анархизма. Если верно, что нет ничего практичнее хорошей теории, то верно и обратное: плохая теория влечет за собой неизбежные стра-

тегические ошибки в практической политике, чрезвычайно дорого обходящиеся²¹. В данном случае на кону стоит судьба русской нации, ни много ни мало.

Капитулянтство проявляется также и в том, что наши охотно соглашаются на условия либералов, когда дело доходит до формата совместных мероприятий и распределения ролей. И вообще отдали им всю инициативу, выполняя роль пристяжной при кореннике.

Что до субъекта торгов, то русским националистам не надо бы искать каких-либо соглашений с либералами-инородцами, будь то Немцов, Каспаров, Паин, Белковский или Ходорковский. Имя им легион, и соглашение с ними заведомо не принесет ничего, кроме позора и разбитых надежд, оно есть также своего рода капитуляция. А для страны и русского народа оно попросту опасно, чревато повторением 1917 и 1991 гг.

Вместо этого следовало бы обратиться через их голову к широким массам русской интеллигенции, в том числе либеральной или окоוליберальной, чтобы предложить ей достойное место и роль в Русском национальном государстве. Увлечь ее этой ролью, отучить бояться русского национализма, приручить²². Оторвать от вождей-инородцев. Именно с этой целью мною в свое время и была выдвинута концепция «национал-демократии», получившая, увы, превратное, уродливое развитие в умах и устах некоторых моих коллег.

Между тем либерализм — это либералы (как преступность есть преступники), а значит, специфика либерализма определяется спецификой либералов. И коль скоро в среде рос-

сийской интеллигенции наконец-то наметилось размежевание по национальному принципу (это особенно заметно стало на «тусовках»), русским националистам необходимо использовать это обстоятельство по максимуму, проведя и в этом контингенте сортировку по основополагающему принципу «свой — чужой». Отчетливо понимая, с кем возможно и нужно идти на сближение, а с кем это — абсолютное табу.

Итак, инициативу надо брать в свои руки. Во-первых, никаких переговоров с нерусскими либералами, которым настоящие интересы и права русского народа не просто не близки, но бесконечно безразличны, а то и враждебны. Во-вторых, условия должны диктовать мы, восходящая сила. А не «этнические либералы», провалившие свой проект и ищущие вариант компенсации за наш счет.

Что неприемлемо для нас в тех условиях, которые выдвигают эти либералы? Что не позволяет нам пока что пойти на компромисс? Прежде всего, именно то, что делает нас последовательными националистами. А именно, подходы к национальной проблеме. Достаточно проштудировать лекцию Ходорковского, как это сделано выше, чтобы понять суть различий и всю несостоятельность их нового проекта — проекта либерально-демократического псевдорусского «государства для всех». Господа явно взялись не за свое дело, рассчитали без хозяина. Не им бы объяснять нам, каким должно быть наше государство. Это должны определять мы сами. Торг здесь неуместен.

Ну, а храмовым надо сказать прямо: что вы забыли, господа, в русском лагере? Дуйте к Ходорковскому и Собчак в либеральный лагерь, там вас примут с распростертыми объятиями, а о своем многогрешном народе благополучно забудьте. И он, в свою очередь, постарается вас забыть, как скверный, но краткий сон.

²¹ Известно, например, куда национал-анархизм завел профессора Петра Хомякова.

²² Я пытался это сделать в статье «Концепция новой России и задачи национального движения русской интеллигенции». См. в моей кн.: «Россия — для русских!». М.: Книжный мир, 2006.